

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ (В продолжение дискуссии, открытой проф. Н. И. Матузовым)

© 2016. Николай Михайлович Добрынин¹

Работа посвящена обсуждению дискуссионных вопросов, связанных с пониманием категории юридической обязанности в праве и вообще юридического обязывания как метода правовой регуляции статуса личности в России. Отправным моментом дискуссии служит одна из последних публикаций проф. Н. И. Матузова, в которой ученым обосновываются значение и роль обязанностей человека и гражданина в деле построения демократии и достижения социальной стабильности. В продолжение указанной дискуссии автор акцентирует внимание на вопросе о понятии юридической обязанности и приходит к выводу о том, что сложившееся в отечественной науке определение обязанности не отражает всего онтологического смысла обозначаемого с его помощью явления. В статье подчеркивается, что расширение перечня обязанностей личности в официальных правовых текстах, в том числе путем детализации конституционных положений, само по себе не является необходимым условием их безоговорочного исполнения. По мнению автора, намного важнее рассматривать вопрос об эффективности юридического обязывания в праве в контексте решения проблем правосознания и повышения правовой культуры прежде всего посредством нивелирования негативного влияния правового нигилизма и правового идеализма. Решение этой задачи автор связывает с необходимостью усиления нравственных оснований права, нравственным воспитанием общества, что и должно в конечном счете (с учетом имманентной корреляции юридических обязанностей и субъективных прав) стать ключевым фактором конституционализации российской правовой системы на современном этапе.

The paper concerns key disputable issues connected with understanding of legal duties and legal binding as a whole being one of the major methods of legal regulation of personal status of a man and a citizen in Russia. The starting point of the discussion is one of the recent surveys published by professor N. I. Matuzov, containing his arguments in support of role and significance of legal duties in the context of building democracy and reaching social stability. Continuing this discussion, the author focuses on the issue of contemporary concept of legal duty and makes the conclusion that the definition of legal duty existing in today's legal theory of Russia does not reflect true meaning of the phenomenon which is being described by the usage of this definition. Furthermore, it is highlighted in the paper that mere amending of the list of legal duties provided for by different legal acts, including current Russian Constitution, is not the only reason which is necessary to make these legal duties executable unconditionally. As for the author's opinion, it is much more important to discuss the efficacy of legal binding in the context of issues concerning qualities of legal consciousness and legal culture, and, first of all, in the context of smoothing over the negative impact of legal nihilism and legal idealism. The author believes that solution of this task is linked to vital necessity to strengthen moral basics of law, to moral upbringing of the society, that is should finally become, taking into account the immanent correlation of rights and duties, the governing factor of constitutionality of contemporary legal system of Russia.

Ключевые слова: юридическая обязанность, юридическое обязывание, субъективное право, запрет, правосознание, правовая культура, правовой нигилизм, правовой идеализм, конституционализация права, нравственные основания права.

Key words: legal duty, legal binding, personal right, prohibition, legal consciousness, legal culture, legal nihilism, legal idealism, constitutionality of law, moral basics of law.

Пролог

В недавнем номере журнала “Право и политика” нашим глубокоуважаемым коллегой проф. Н. И. Матузовым была опубликована статья “Обя-

занности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности”².

Представляется, что работа по сути является приглашением к дискуссии, ибо многие проблемные вопросы, касающиеся понятия юридической обязанности, его соотношения с представлениями о долге, корреляции обязанностей и субъективных прав, по справедливому замечанию автора, по сей день не решены ни в юридической науке, ни на практике и, более того, незаслу-

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (E-mail: belyavskaya@partner72.ru). Nikolay Dobrynin, professor of Constitutional and Municipal Law, Institute of state and law of Tyumen state University, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

² См.: Право и политика. 2016. № 1. С. 15–27.

женно обойдены вниманием научной общественности.

Убеждены – Н. И. Матузов прав, когда отмечает, что “и в советской, и постсоветской юридической литературе обязанностям уделялось неизмеримо меньшее внимание, чем правам. Последним посвящены сотни работ (монографий, диссертаций, сборников, материалов конференций, бесчисленное количество статей), в то время как обязанностям – единицы. В этом смысле им “не повезло”... За последние 30 лет по теории государства и права были защищены только три кандидатские диссертации, посвященные обязанностям..., и ни одной докторской”³.

Полагаем, что сегодня, когда в стране уже накоплен начальный опыт жизни по действующей, первой подлинно демократической по своей природе и смыслу Конституции, но при этом, выражаясь словами уважаемого проф. В. Д. Зорькина, Россия всё еще не взяла “правовой барьер”⁴, т.е. не стала по-настоящему правовым государством. Пришло время сфокусировать пристальное внимание на вопросе об обязанностях личности, поскольку без понимания и глубокого осмысления имманентной связи субъективных прав и юридических обязанностей в принципе невозможно существование каких бы то ни было “дееспособных” правовых регуляторов.

По нашему глубокому убеждению, концептуальные подходы к феноменологической оценке юридических обязанностей в структуре и динамике механизма правового регулирования нуждаются в новом осмыслении и переоценке с учетом произошедших в последние 25 лет тектонических социокультурных сдвигов, затронувших все без исключения сферы бытия российского общества, включая и его правовую составляющую.

Между тем всякий исследователь, берущий на себя ответственность за участие в дискуссии об онтоюридическом значении обязанностей, должен изначально отдавать себе отчет в том, что эта проблематика является архисложной, ибо, в отличие от вопроса о субъективных правах, которые зачастую могут приобретать смыслы *ad hoc*, юридические обязанности служат на порядок более универсализированным средством правовой регуляции, поскольку нередко их содержание коренится в тысячелетиями формировавшихся и оттого почти незыблемых социальных представлениях о должном и справедливом.

Итак, как нами заявлено, добровольно принимаем на себя непростую и ответственную миссию участия в дискуссии, открытой глубокоуважаемым коллегой Н. И. Матузовым, и попробуем разобраться с некоторыми проблемными аспектами в понимании роли и места юридических обязанностей вообще и конституционных обязанностей личности в частности в ткани складывающегося сейчас в современной России правопорядка, при этом затронуть, конечно же, и их метаюридическое соотношение с морально-этическими представлениями о долге, правосознанием и уровнем правовой культуры в нашем обществе.

Понятие о юридической обязанности: от конкретики к истокам проблемы

Как известно, в юридической науке практически общепринятой является такая методология исследования правовых явлений, посредством которой в качестве отправной точки познания определяется некое понятие, пусть еще и существующее в качестве определенного, словесно не оформленного представления о явлениях правовой действительности.

Однако в этом смысле категория “*юридическая обязанность*” не может считаться для правовой науки в полном смысле *terra incognita*, ибо определение юридической обязанности сегодня относится к разряду по сути хрестоматийных. Сложность при этом заключается в ответе на вопрос о том, может ли понятие о правовом явлении (т.е. представление о нем) исчерпываться его научным определением? Думается, что нет (или во всяком случае – далеко не всегда), поскольку когда речь заходит о фундаментальных явлениях правопорядка, к разряду которых относится категория юридической обязанности, всегда следует помнить о том, что любое определение суть ограничение смысла, установление его пределов. На это указывает хотя бы то обстоятельство, что в русском языке слово “*определение*” производно от слова “*предел*”. Стало быть, обычное определение юридической обязанности как меры предписанного правом – *должного* – поведения лица еще не есть словесное выражение всей полноты представления (понятия) о данном юридическом феномене.

Онтологическая полнота понятия о юридической обязанности, отмечающая многогранность и в принципе гносеологическую неисчерпаемость данной категории довольно емко подчеркивается в названной выше работе Н. И. Матузова: “Обязанности – необходимое условие оптимального взаимодействия государства, общества и лично-

³ Там же. С. 17, 18.

⁴ См.: Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 102 и др.

сти. Без этого компонента невозможны ни сбалансированная политико-правовая система, ни эффективное правовое регулирование, ни четкий и разумный правопорядок, ни другие состояния и проявления общественной жизни. Обязанности — залог нормального функционирования конституционных институтов, управления социальными и экономическими процессами, поддержания устойчивости, дисциплины и стабильности в обществе”⁵.

Наиболее уместным здесь представляется акцентирование внимания на том, что юридическая обязанность как феномен правовой действительности в сущности выступает неотъемлемой частью — полюсом любого правоотношения, без которого юридически значимые (а таковых в современном мире подавляющее большинство) акты взаимодействия людей попросту были бы невозможны. В этом смысле без понятия о юридической обязанности принципиально невозможно “*вдохнуть жизнь*” ни в одно правовое предписание, ибо любое субъективное право, не укрепленное противостоящей ему юридической обязанностью, было бы не чем иным, как *jus nudum*.

По сути подобный тезис означает, что юридическая обязанность в механизме правового регулирования выполняет едва ли не более значимую роль, нежели субъективные права. И в самом деле, давайте согласимся: нельзя не заметить, что в целом спектре различных жизненных ситуаций легитимные притязания участников правоотношений, не оформленные к данному моменту в виде соответствующих субъективных прав⁶, тем не менее, уже получают правовую охрану и реализуются именно в силу возложения юридических обязанностей на тех участников правоотношений, которые противопоставляются обладателям указанных легитимных притязаний.

Отсюда вполне возможно, хотя бы отчасти, согласиться с воззрениями Л. Дюги — французского правоведа XIX — начала XX в., который утверждал, что “никто в социальном мире не имеет никакой власти, кроме как исполнять то, к чему обязывает его социальная норма, или, если угодно, к чему обязывает его положение, занимаемое им в системе взаимозависимостей, соединяющих

членов одной социальной группы”⁷. Ученый из этого представления о значимости юридических обязанностей в организации социальной жизни делал кажущийся весьма категоричным, но всё же отчасти верный вывод об отрицании вообще такого явления, как субъективные права. Отчасти верный потому, что в сущности — каково конкретное содержание определенного субъективного права? Оно в нормальной (а не в аномальной или даже экстремальной) правовой ситуации полностью раскрывается посредством содержания юридических обязанностей, противоположенных юридически признанному субъективному притязанию.

Чрезвычайно точно отмеченная выше ключевая характеристика юридической обязанности, лежащая в основании понятия о данном правовом феномене, выделена Н.И. Матузовым. Он, в частности, пишет: “Корреляция прав и обязанностей создает уравновешенное общественное состояние, иначе говоря, режим наибольшего благоприятствования для нормальной повседневной жизнедеятельности людей. Такое сочетание выражает разумный баланс интересов всех членов и составных частей общества, способствует достижению согласия, взаимопонимания и социального компромисса между ними. Это — средство гармонизации интересов государства, общества и личности, а также интересов граждан в их взаимоотношениях друг с другом. Иным путем добиться желаемого социального эффекта невозможно... Юридическая обязанность — вид и мера государственно-целесообразного, разумного, полезного, объективно необходимого поведения субъектов, призванного вносить порядок и “умиротворение” в жизнь. Она — законная преграда на пути произвола, хаоса, своеволия, неорганизованности, всего деструктивного и мешающего нормальному развитию общества. Перед нами *властно-повелительная* форма социальной регуляции, опирающаяся на “силовое” начало, то есть на **возможность “заставить”, принудить, наказать** (выделено нами. — Н.Д.)”⁸.

Если обратить внимание на фрагмент текста, выделенный автором этих строк в приведенной выше цитате жирным курсивом, то становится закономерным следующее умозаключение: если право в ряду других социальных норм единственно обеспечивается силой государственного принуждения, то юридическая обязанность (в ее са-

⁵ Матузов Н.И. Указ. соч. С. 17.

⁶ Таковыми могут считаться, например, законные интересы, которые, как известно, формы субъективных прав пока не обрели, но уже признаются в качестве соответствующих, имеющих рациональные основания для существования притязаний. Подробнее см., например: Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 69, 70 и др.

⁷ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Пер. с фр. А. Ященко, В. Краснокутского и Б. Сыромятникова. М., 1908. С. 102.

⁸ Матузов Н.И. Указ. соч. С. 18.

мом абстрактном значении — как одна из базовых категорий правовой науки) должна рассматриваться через призму непосредственного воплощения права и, что очень важно, как “*движущая сила*” любой правовой нормы.

Вместе с тем подобная характеристика юридической обязанности в качестве одной из краеугольных категорий правовой реальности подвигает нас самым непосредственным образом обратить внимание на семантические и синтаксические особенности правовых текстов, поскольку, как и любое правовое явление, *юридическая обязанность для того, чтобы существовать в правовой реальности, должна быть выражена соответствующим образом, т.е. быть формализована, закреплена в официальных источниках права.*

Весьма глубокими в этом отношении представляются рассуждения Ю.Ю. Ветютнева, который пишет, что “наглядная характеристика права состоит в том, что оно обладает ярко выраженным текстуальным характером, то есть представляет собой знаковую систему”⁹, но “исходным пунктом правовой реальности является, конечно, не любой текст... Отправная и центральная точка права — текст словесный и, более того, письменный... Не существует таких явлений, событий, процессов, которые являлись бы правовыми объективно, по природе своей, вне особого способа письменного закрепления”¹⁰. Ученый, подводя итог, делает вывод: “Разумеется, вся правовая реальность не может быть сведена к корпусу письменных источников, однако все ее “неписанные” компоненты являются сугубо производными и подчиненными, они не обладают автономным и самодостаточным бытием в отрыве от порождающего их текста. Например, юридическая сделка может быть совершена в устной форме, однако это возможно лишь благодаря юридическому предписанию, содержащемуся в писаном тексте Гражданского кодекса”¹¹.

И здесь мы подходим к обсуждению первого из ключевых дискуссионных моментов, обозначенных Н.И. Матузовым в вышеупомянутой публикации: в частности, он с сожалением отмечает, что “в действующей Конституции РФ обязанности граждан отражены весьма слабо. В ней зафиксирована *лишь* (выделено нами. — Н.Д.) *необходимость соблюдать Конституцию и законы* (курсив наш. — Н.Д.), платить налоги, заботиться

о детях, сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, историческому и культурному наследию, нести военную службу, защищать Отечество”¹².

Далее ученый формулирует тезис: “Все обязанности в Конституции не перечислишь, и система их не должна копировать один к одному систему прав. Но наиболее важные, социально значимые обязанности полезно было бы закрепить в главном Законе страны, *дабы граждане (курсив наш. — Н.Д.) лучше их знали и строго соблюдали* (выделено нами. — Н.Д.)”¹³.

Думается, что, несмотря на интуитивно понимаемую справедливость оснований, образующих фундамент приведенных выше суждений Н.И. Матузова, они всё же могут встретить весьма серьезные возражения, по крайней мере в среде профессиональных юристов. И аргументы, приводимые в обоснование таких возражений, на наш взгляд, могут оказаться довольно убедительными.

Во-первых. Всякий раз, когда озвучиваются предложения о корректировке (в том числе о дополнении) положений Конституции России, подкрепленные ссылкой на излишнюю лаконичность конституционного текста, надлежит учитывать, что письменный текст Основного Закона страны еще не есть сама Конституция государства, если понимать ее широко — как систему основополагающих правовых установлений, критически значимых для определения и закрепления базовых форм социальных взаимодействий. В данном случае уместным будет напомнить о том, что в силу юридико-технических особенностей официального конституционного текста многие конституционные положения могут быть воспроизведены либо как напрямую вытекающие из писаных норм Основного Закона страны, либо как являющиеся следствием ее официального толкования.

Простой пример. Как известно, в силу отмеченного выше повелительного (предписывающего) характера юридической обязанности, служащей выразителем вида и меры государственного принуждения, воплощенного в праве, в официальных правовых текстах обязанности могут конструироваться по типу запретов. Иными словами, совсем не обязательно, чтобы юридические обязанности закреплялись в правовых нормах посредством глаголов “*должен*”, “*обязан*” и т.п. В случае с запретами, сформулированными в правовых нормах, юридические обязанности, как правило,

⁹ Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М., 2013. С. 68.

¹⁰ Там же. С. 68, 69.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Матузов Н.И. Указ. соч. С. 24.

¹³ Там же.

конструируются по пассивному типу, когда от обязанных лиц требуется воздерживаться от совершения тех или иных наносящих ущерб общественной жизни деяний.

С подобной точки зрения, нормы гл. 2 Конституции РФ, в которых при закреплении определенных субъективных прав личности фиксируются в виде тех или иных запретов пределы их осуществления, по существу устанавливают сопутствующие указанным субъективным правам юридические обязанности, лежащие в ряде случаев на самих обладателях этих прав, а в иных – на противопоставленных им сторонах правоотношений.

Стало быть, гл. 2 Конституции не столь уж и лаконична в вопросе об обязанностях, как может показаться: она содержит довольно много норм ограничительного или запрещающего характера, располагаемых в конституционном тексте в непосредственной “близости” от формулируемых там же субъективных прав.

Во-вторых. Максимально абстрактный и универсальный характер конституционного текста есть объективная данность, при отступлении от которой конституционный текст (в случае его излишней детализации) может утратить свои качества всеобщности, учредительного характера, верховенства и т.д. Такого, естественно, допустить ни в коем случае нельзя, и вряд ли можно согласиться с теми, кто сетует на то, что в Конституции России закреплено чересчур мало обязанностей личности, в числе которых, например, *лишь* обязанность соблюдать Конституцию страны и законы. Обязанность соблюдения действующей Конституции государства и его законов совсем не стыкуется с ограничительным наречием “*лишь*”: по своей значимости и универсальности эта всеобщая конституционная обязанность – начало начал в реализации любых правовых установлений, если допустимо так выразиться – “*альфа и омега*” всей правовой жизни. Стало быть, предложение о расширении перечня закрепляемых в Основном Законе страны юридических обязанностей личности едва ли встретит поддержку из соображений практической пользы, связанной с тем, чтобы, как отмечает Н.И. Матузов, “граждане лучше их знали и строго соблюдали”¹⁴.

Наконец, в-третьих. Важно осознавать, что вопрос о содержании юридических обязанностей, включая способы их осуществления, зачастую имеет самую непосредственную связь с морально-этическими представлениями о долге, с уровнем правосознания и правовой культуры.

Особенно ярко это проявляется в случаях, когда в качестве юридических обязанностей интерпретируются те или иные пределы реализации субъективных прав, нацеленные на недопустимость злоупотребления ими.

Согласимся, не случайно, когда речь заходит о реализации субъективных прав, дискуссия зачастую идет о критериях добросовестности и недобросовестности поведения их носителя. Будучи воплощены в праве, морально-этические критерии добросовестности и недобросовестности приобретают характер юридической обязанности, возлагаемой на каждого носителя субъективного права в части выбора форм, способов и пределов реализации своих притязаний.

Профессор В.И. Крусс, например, последовательно развивающий теорию конституционного правопользования, отмечает: “*Недобросовестность* является сущностным признаком злоупотребления правом и фактически синонимом неконституционности. Принцип (требование) добросовестности, в свою очередь, относится к числу системообразующих интерпретированных принципов конституционного правопользования наряду с принципами *справедливости, равенства и разумности*. Эти принципы последовательно конкретизируются Конституционным Судом РФ, а также Европейским Судом по правам человека”¹⁵.

В контексте приведенных выше умозаключений нам сложно что-либо противопоставить мнению проф. Н.И. Матузова, который к тому же поддерживает идею проф. С.А. Авакьяна о том, чтобы “усилить фундамент нашей Конституции хотя бы такими постулатами, как “гражданство обязывает”, “собственность обязывает”, “совесть обязывает”, “долг перед государством, обществом, окружающими согражданами обязывает””¹⁶. Как видно, в приведенных перечислениях опять же довольно выражено присутствует морально-этический аспект.

В то же время нельзя отрицать, что в отсутствие реально действующих, устойчивых нравственных, морально-этических и социокультурных оснований любые, даже самые полезные и прогрессивные идеи, закрепленные в праве, останутся лишь недостижимым идеалом.

В этой связи представляется весьма важным и необходимым изложить и другое суждение С.А. Авакьяна, являющееся, на наш взгляд, не менее справедливым и емким, чем и предыдущее.

¹⁵ Крусс В.И. Злоупотребление правом. Учеб. пособие. М., 2016. С. 34.

¹⁶ Матузов Н.И. Указ. соч. С. 25.

¹⁴ Там же.

В работе, посвященной проблематике российско-го конституционализма, ученый пишет: “Какие бы прекрасные ни были идеи в конституции, пришедшие к власти депутаты и чиновники создадут свой “конституционализм”. Его основные проявления будут состоять в том, чтобы законодательный орган власти наполнить депутатами, которых можно быстро сделать послушными..., чтобы аппарат исполнительных органов пополнялся себе подобными... для двух этих категорий будет совсем неплохо, если в судьи придут слабые профессионально люди...”¹⁷.

Мы солидарны с позицией проф. С.А. Авакьяна и всецело её разделяем!

Отсюда вполне закономерен наш вывод о том, что вопрос о юридических обязанностях и вообще, и в контексте конституционных обязанностей личности в первую очередь коренится в нравственных, морально-этических представлениях о долге. И это, в свою очередь, отнюдь не тематика конкретизации и (или) детализации конституционного текста, а проблема обеспечения необходимого уровня правосознания, преодоления сохраняющихся по сей день мощнейших влияний правового нигилизма и правового идеализма.

Профессор В.Д. Зорькин, излагая мнение о необходимости для современной России во что бы то ни стало взять “правовой барьер”, по вопросу об уровне правосознания в нашем обществе совершенно справедливо пишет: “Главная наша задача — в условиях деформированного правосознания, когда зачастую власти делают вид, что исполняют законы, а народ делает вид, что их соблюдает, — заключается в том, чтобы трансформировать это правосознание и утвердить верховенство закона и реальный режим конституционной законности по всей стране — снизу доверху и на всей ее территории. Чтобы Россия, наконец, взяла правовой барьер... В XXI в. Россия может и обязана жить и развиваться на почве конституционализма, на основе принципа верховенства права. Иного не дано. Иное губительно”¹⁸.

Обязанности человека и гражданина в контексте проблематики правового нигилизма и правового идеализма

Полагаем, следует особо подчеркнуть, рассматривая проблему обязанностей человека и гражданина, что мы постоянно сталкиваемся с непре-

одолимым пока обстоятельством — *господством в современной России правового нигилизма и его не менее опасного антипода — правового идеализма*. При этом обращаем внимание, что к данной теме в разное время неизбежно обращались видные представители отечественной политико-правовой мысли. В ряду исследований, внесших значительный вклад в осмысление категорий правового нигилизма и правового идеализма, необходимо указать и на работы Н.И. Матузова.

Нигилизм как мировоззренческое течение имеет многовековую историю зарождения, однако наибольшее распространение получил в XIX–XX столетиях, главным образом в Западной Европе и России. “Но, увы, именно в России нигилизм дал самые обильные всходы”¹⁹. Он имеет в стране глубочайшие исторические корни. Не случайно уже очень давно было сказано: на Руси всегда правили люди, а не законы. Отсюда — безразличное и неуважительное отношение к закону “как свойство натуры, ментальности русского обывателя”²⁰.

Общей родовой чертой всех форм нигилизма является *отрицание*. Правовой нигилизм в феноменологическом отношении не является исключением, а лишь имеет своим объектом систему правовых ценностей, сформировавшихся в обществе.

Для России нигилизм — *устойчивая всеобщая многовековая традиция*. На протяжении длительного времени право в обществе “развитого социализма” всячески умалялось; в нем не видели истинно демократического и краеугольного института, высокой социальной и моральной ценности. Предпочтение отдавалось экономике, политике, идеологии, партийной линии. Идеи же права нередко третировались, искажались, отрицались. Право скорее терпели как формальный атрибут, свойственный любому “*благопристойному*” обществу. В целом право считалось “неполноценной и даже ущербной формой социальной регуляции, лишь на время и лишь в силу печальной необходимости заимствованной”²¹ у прежних эксплуататорских эпох. На практике воплощалась ленинская идея, согласно которой в основе социалистического государства лежит диктатура пролетариата, представляющая собой

¹⁹ Сапронов П.А. Путь в ничто. Очерки русского нигилизма. СПб., 2010. С. 5.

²⁰ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080.

²¹ Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990. С. 164.

¹⁷ Авакьян С.А. Конституционализм и бюрократизация публичной власти // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2014. № 1. С. 64.

¹⁸ Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 102.

“ничем не ограниченную, никакими правилами не стесненную, опирающуюся непосредственно на силу, а не на закон, власть”²², т.е. на право сильного.

*Правовой нигилизм – разновидность социального нигилизма как родового понятия*²³. Под ним следует понимать релятивизацию аксиологических установок сознания в правовой сфере по отношению к праву; при этом – наиболее опасный и широко распространенный в современном правовом пространстве феномен.

Н.И. Матузов в суждениях по актуальным вопросам правового нигилизма указывает, что его сущность заключается “в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин – в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения”²⁴.

Ключевыми характеристиками указанного явления выступают надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие права; неверие в высокое предназначение, возможности и даже необходимость права; безразличное отношение к нему.

В конечном счете речь идет о неостребованности права в целом и как такового. А.И. Герцен писал: “Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает правительство”²⁵.

Приходится с глубоким сожалением констатировать, что мы не только не избавились от этого застарелого и заскорузлого порока, но и в полной мере унаследовали его, а во многом и обогатили. М.О. Хазамов, один из представителей современных российских исследователей, например, отмечает, что государство в лице управленческих элит нигилистически пренебрегает интересами и правами личностей и групп, в то время как личности и группы научаются нигилистически игнорировать правовые требования государства²⁶.

Вне сомнения, основной причиной правового нигилизма является знание людей о том, что законы не исполняются и нарушаются. Когда человек узнает о противоправном действии или бездействии, за которым не последовало справедливого наказания, его вера в силу закона может упасть до такого уровня, что он вообще не будет учитывать закон в своих действиях, дойдя до крайности правового нигилизма.

При этом уровень и степень проявления правового нигилизма напрямую зависят от низкой правовой защищенности личности, что неизбежно подрывает веру людей в закон, в способность государства обеспечить порядок и спокойствие в обществе, оградить от криминального разгула, социального неравенства перед законом и судом, социальной несправедливости. Бессилие права, как правило, начинает вызывать лишь всеобщее раздражение. Право как бы само ускоренно продуцирует нигилизм. Человек перестает уважать право, поскольку не видит в нем своего надежного гаранта и защитника. В таких условиях даже у законопослушных граждан вырабатывается правовой нигилизм, недоверие к существующим институтам, правовой скепсис.

Полагаем, с нами согласятся, что в указанном контексте напоминание человеку и гражданину о его конституционных обязанностях (в том числе напоминание посредством мер государственного принуждения) служит не упорядочению взаимодействий в обществе, а лишь усугубляет разбалансировку социальных устоев. Думается, что подобное вполне очевидно.

Мы солидарны с суждением В.А. Туманова, что, “как только страна отказалась от тоталитарных методов правления и попыталась встать на путь правового государства, как только люди получили реальную возможность пользоваться правами и свободами, так сразу же дал о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетия царившие в нем пренебрежительное отношение к праву, его недооценка. Юридический нигилизм при востребованном праве оказался куда более заметным, чем при праве неостребованном”²⁷.

Особо отметим, возвращаясь к вопросу об обязанностях человека и гражданина в контексте проблемы правового нигилизма в современной России, что в стране правовой нигилизм по-прежнему процветает “пыльным цветом”, причем именно на уровне правореализации, “а в этом

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 376.

²³ См.: Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни. С. 2082.

²⁴ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 590.

²⁵ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 7. М., 1956. С. 251.

²⁶ См.: Хазамов М.О. Правовой нигилизм как фактор угрозы социальной безопасности России. Дисс. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru/net/diss/cont/218007.html>

²⁷ Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Гос. и право. 1993. № 8. С. 52.

случае самые мудрые и совершенные законы лишаются смысла”²⁸.

Еще больший правовой нигилизм порождают законы, которые невозможно исполнить. В одних случаях потому, что отсутствуют необходимые механизмы их претворения в жизнь, в других — из-за того, что вокруг простирается аномальная среда их функционирования и нарушена остойчивость правопорядка.

Следует признать, что в России процветает *нравственный, политический и правовой нигилизм*; общественные отношения находятся в состоянии крайней неустойчивости, законы бессильны их упорядочить, стабилизировать, направить в нужное русло. Считаем, недопустимо далее утверждать, что акцентированное внимание на правах и свободах личности, наблюдающееся в стране по сей день, является гипертрофированным последствием волны гуманистических преобразований начала 1990-х годов: к великому сожалению, такое внимание, нередко приобретающее уже формы открытой истерии или даже отчаяния, спровоцировано крайне низким качеством правореализации, удручающим состоянием реальной обеспеченности прав и свобод личности — и это признано на высочайшем государственном уровне²⁹.

Между тем, как писал видный российский философ и правовед И.А. Ильин, “честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и граждан

становится не опорой, а брешью в правопорядке”³⁰.

Полагаем, именно поэтому следует четко и последовательно различать *законопослушание* и *законоуважение*. *Законопослушание* основано большей частью на страхе, принуждении, в то время как *законоуважение* — на глубоком осознании необходимости следовать закону и праву. Это является добровольной позицией индивида, соблюдение им закона “не на страх, а на совесть”³¹.

Справедливости ради также отметим, что И.А. Ильин придавал правосознанию особое значение и особую роль в качестве жизненной среды для государственно-правовых явлений. Он отвергал концепцию о “внешней” природе права и государства, отмечая, что “должна быть усмотрена и усвоена их “внутренняя”, душевно-духовная сущность. Право только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Государство в своем осуществлении “предполагает” наличность множества телесно разъединенных людей, теорий и внешних вещей; но именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого... Усмотреть наличность, достоинство и компетентность нормального правосознания — значит найти путь для разрешения всех основных жизненных затруднений, вытекающих из природы права и создающих немало теоретических споров и даже “антиномий” в юридической науке”³².

В трудах И.А. Ильина правосознание предстает как связующее звено между “*внешним порядком*” и “*внутренними состояниями духа*”, средством создания “*внешнего порядка*” через “*внутреннюю упорядоченность души*”. Ученый утверждал: “Оно (право.— *И.Д.*) живет правосознанием и исполняет свое значение тем лучше, чем правосознание зреее и совершеннее”³³.

Усматривая, таким образом, первопричину всей проблематики юридического обяывания в различного рода деформациях правосознания, а не в писанных правовых текстах, подтвердим этот тезис путем краткого обзора еще одной, хотя и менее распространенной по сравнению с пра-

²⁸ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни. С. 2086.

²⁹ Президент России В.В. Путин, выступая 23 марта 2016 г. на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ, отметил, что большая часть всех нарушений закона в России приходится на нарушение конституционных прав граждан. По его словам, они составляют 60% от всех нарушений закона. При этом Президент РФ отметил, что в 2015 г. органы прокуратуры установили 3.2 млн нарушений прав и свобод граждан. Глава государства также подчеркнул, что надзор за обеспечением конституционных прав и свобод граждан остается приоритетом в деятельности Генеральной прокуратуры РФ. В частности, он призвал и Генеральную прокуратуру, и Федеральную службу исполнения наказаний обеспечить соблюдение прав лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. По словам Президента страны, сотрудники ФСИН, а также представители правозащитных организаций и прокуроры обязаны лично следить за условиями, в которых оказываются люди, лишённые свободы, и добиваться, чтобы там действовали современные стандарты содержания и медицинского обеспечения (см.: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/56f28b249a7947208ce2ccb0>).

³⁰ Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 182.

³¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 247.

³² Ильин И.А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступ. статья И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229.

³³ Там же. С. 229.

вовым нигилизмом формы искажения правовых представлений и убеждений. Выше мы уже упоминали о правовом идеализме, указывая, что он является своего рода антитезой правовому нигилизму.

Особо подчеркнем, что категорию “правовой идеализм” в российской юриспруденции ввел в научный обиход наш глубокоуважаемый коллега Н.И. Матузов. Ученый, исследуя проблему, охарактеризовал правовой идеализм как явление, противоположное правовому нигилизму, т.е. как чрезмерную веру в способность права решать любые проблемы, с которыми сталкивается гражданское общество в рамках своей деятельности³⁴.

Что это означает на практике, видно из конкретных примеров отечественной истории.

Одним из классических примеров правового идеализма, рожденного в период так называемой “перестройки”, может служить антиалкогольная кампания, с помощью которой советская власть пыталась мгновенно решить проблему пьянства населения. У многих сложилось убеждение, что достаточно принять мудрые законы, как все остершие проблемы общества будут решены. Чем эта кампания закончилась, всем хорошо известно.

И в целом идеалы справедливости и равенства, выраженные в лозунгах того периода и последовавших за ней постсоветских реформах (достижение социально-экономического уровня развитых стран, создание условий для достойной жизни граждан, гласность, демократия, правовое государство и т.п.), в те годы, как правило, пытались воплотить с помощью законов и иных нормативных правовых актов. При этом в период правления первого Президента РФ Б.Н. Ельцина на определенном этапе весьма заметную роль выполняло так называемое “указное право”, основанное по сути на единоличной, ничем не связанной воле первого лица в государстве. Шло скоростное правотворчество, но чудеса не происходило, дела стояли на месте и даже ухудшались. “В результате многое попросту не прижилось на отечественной почве”³⁵.

Как ни странно, находились люди, которые искренне верили в заманчивую идею правового государства, где каждый на деле обладает равными правами и свободами. Это был правовой идеализм

в прямом смысле этого понятия: мечты и вера в справедливое правовое государство так и остались мечтами. Да и не могли они сбыться в тех условиях в намеченные сроки. Когда общество отчетливо осознало, что многие законы и “законоподобные” указы оказались “пустым звуком”, а обещанное властями так и не было исполнено, возникшее в период обновления очарование сменилось горьким разочарованием в отношении всей правовой системы и публичной власти, возникли явные признаки правового скепсиса. “Романтическое” право потерпело фиаско – оно оказалось бумажным, и потому вера в него была утрачена или во всяком случае подорвана³⁶.

Таким образом, по нашему мнению, *правовой идеализм – гипертрофированное отношение к юридическим средствам, переоценка роли права и его возможностей, убежденность, что с помощью законов и иных нормативных правовых актов можно решить все социальные проблемы*. В правовой эйфории многим начинает казаться, что стоит только отменить “плохие” законы и принять “хорошие”, то всё, как по мановению волшебной палочки, изменится в лучшую сторону; но со временем, когда чудеса так и не происходят, хотя “хорошие” законы и принимались, человек впадает в еще более глубокую фрустрацию; он разочаровывается в “хороших”, но не работающих законах, у него появляется скепсис по отношению к существующей правовой системе. В итоге – индивид становится на почву правового нигилизма.

На наш взгляд, *среди множества противоречий, характерных сегодня, к сожалению, для российского общества, наблюдается к тому же и парадоксально причудливое переплетение, с одной стороны, всеобщего правового нигилизма, а с другой – наивного правового идеализма. При правовом нигилизме законы откровенно не уважаются, игнорируются, нарушаются; при правовом идеализме, напротив, им придается значение некой чудотворной силы, способной в одночасье решить все наибольшие проблемы*.

Н.И. Матузов справедливо указывает: “Оба эти явления, казалось бы, разновекторные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину юридического бескультурья”³⁷.

³⁴ Подробнее см., например: Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны “одной медали” // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16.

³⁵ Матузов Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Гос. и право. 2013. № 10. С. 6.

³⁶ См.: там же.

³⁷ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. Теория права. Академ. курс. В 2-х т. Т. 2. М., 1998. С. 400 и след.

Соответственно, в контексте исследуемой нами проблематики обязанностей человека и гражданина, выступающих залогом (если вновь обратиться к заглавию недавней публикации Н. И. Матузова)³⁸ демократии и социальной стабильности, наш вывод очевиден: такие крайности деформации правосознания (индивидуального, группового, коллективного, массового – какого угодно), каковыми являются правовой нигилизм и правовой идеализм, – следствие многих причин, без преодоления которых идеи правового государства, демократии и социальной стабильности в принципе (надеемся, с нами согласятся) неосуществимы.

Полагаем, что дело здесь отнюдь не только и не столько в детализации или дополнении конституционных норм об обязанностях человека и гражданина.

***Нравственные основания права,
долг и юридические обязанности –
кованты конституционализации
российской правовой системы***

Следует особо подчеркнуть, что действенность различных форм юридического обязывания, прежде всего определения круга конституционных обязанностей человека и гражданина, связана не столько с формальным закреплением перечня обязанностей, предписаний и запретов, сколько с уровнем правосознания и в целом правовой культуры общества, но также акцентировать внимание и на том, что и правосознание, и правовая культура, будучи самыми весомыми факторами эффективности правовой регуляции, в конечном счете обуславливаются *нравственными основаниями права, их релятивизацией к существующим в обществе представлениям о должном (и о долге) и справедливом (нравственном)*.

Не случайно, как представляется, глубокоуважаемый Н. И. Матузов в самом начале своего дискурса об обязанностях человека и гражданина приводит цитату из работ И. А. Ильина: “Люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии блюсти их; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не желающие признавать запретностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую невменяемость”³⁹.

В контексте воззрений И. А. Ильина, некоторые ключевые идеи которых обсуждались нами

выше, считаем весьма важным сделать очевидный вывод о том, что знание людей о своих обязанностях, их правильное истолкование и понимание – продукт их сознательной деятельности, предопределенный в первую очередь уровнем их индивидуального правосознания, а также силой общественного мнения и правоприменительными практиками, лежащими в плоскости правосознания группового, коллективного и общественного. Отсюда и прямая зависимость между обязанностями человека и гражданина и нравственными основаниями права, отражением которых и выступает правосознание во всех его индивидуальных и коллективных формах.

Полагаем, в дополнение к сказанному следует отметить, что вообще в своих рассуждениях о нравственных основаниях государственно-правовой жизни И. А. Ильин проявлял удивительную прозорливость.

Убеждены, что *право, не имея прочной основы в морально-нравственной сфере, в духовной жизни людей, обречено потерпеть крах, а общество – прийти к потрясениям*.

Отрадно наблюдать, что в рядах современных ученых и философов осознание данного обстоятельства становится все более отчетливым. Так, например, проф. Г. В. Мальцев в одной из последних работ с полным основанием отмечал, что сегодня “правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, так же как и “калькулирования” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом”⁴⁰, однако истинные “цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, что эту очевидную закономерность... не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда, что упадок морали может быть компенсирован за счет активизации средств правового регулирования, массового принятия законов... Без морально-ценностной поддержки либо объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе”⁴¹.

³⁸ Матузов Н. И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности. С. 15–27.

³⁹ Там же. С. 15.

⁴⁰ Мальцев Г. В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. М., 2009. С. 88, 89.

⁴¹ Там же. С. 89.

Обращаем внимание заинтересованного читателя на абсолютно точное замечание проф. В.Д. Зорькина: можно было бы “привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действенно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказывать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас), и т.д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения”⁴².

Указанное выше, давайте согласимся, непосредственным и решительным образом ориентирует нас на то, чтобы утвердиться в своих выводах и признать: *нравственные основания права и качество существующих в обществе представлений о долге (о должном и справедливом) – ключевой фактор формализации в праве обязанностей личности, а поскольку такие обязанности наиболее емко и в первую очередь закрепляются в Конституции страны, то и взаимная “связка”, обнаруживаемая между нравственными основаниями права, долгом и юридическими обязанностями, – важнейшее условие конституционализации всей правовой системы современной России.*

В подтверждение наших авторских выводов, приведем и высказывание В.И. Крусса, который в одной из самых последних работ по проблеме конституционализации российского права отмечает: “На особое место среди основ конституционного строя... необходимо поставить права и свободы человека и гражданина, а также конституционные обязанности (курсив наш. – Н.Д.). Конституционализация во многом и есть актуальная сущностно-содержательная конкретизация этих метаправовых феноменов...”⁴³.

Эпилог

Представляется весьма важным в завершение, дабы еще раз публично поддержать точку зрения нашего глубокоуважаемого коллеги Н.И. Матузова, а также подкрепить собственные изложенные выше аргументы и выводы о том, каковы пути решения ключевых проблем юридического

обязывания личности в деле конституционализации российского права, привести ряд совершенно справедливых и обоснованных суждений глубокоуважаемого В.Д. Зорькина, высказанных по этой архиактуальной теме. Видный ученый-конституционалист указывает, в частности, что, в сущности “большинство крупнейших исторических трансформаций правовых систем везде проходили под знаменем приближения права к социальной этической норме, к массовым представлениям о справедливом и должном. И до тех пор, пока не обеспечена достаточно плотная взаимная “подгонка”, сближение между правовой системой и массовыми представлениями о справедливом и должном, правовое государство и юридическое равенство остаются проблемой... Обычно дальнейшее продвижение по правовому пути связывают прежде всего с совершенствованием законодательной работы, а также судебной и правоохранительной деятельности. Разумеется, это необходимая, но всего лишь часть такого сложного процесса, как общеправовая трансформация России. К сожалению, принятие хороших законов, обеспечение материальной базы судов и упорядочение правоохранительных органов – это далеко не все. Проблема не только в этом, но и в том, как обстоит дело с укорененными в обществе представлениями о должном и справедливом (курсив наш. – Н.Д.). Это вопрос очень непростой для любого общества, а для нынешнего российского – в особенности”⁴⁴.

Профессор В.Д. Зорькин завершает свои рассуждения в этой части следующим образом: “Правовая модернизация неразрывно связана с широко понимаемой социально-нормативной модернизацией общества”⁴⁵. При этом одним из ее ключевых факторов выступает *“нравственное воспитание масс* (выделено нами. – Н.Д.), о котором говорили Владимир Соловьев и другие выдающиеся российские мыслители. Задача архисложная, требующая системного вовлечения в ее решение и государства, и школы, и семьи, и религиозных институтов, и всех (безусловно, существующих в стране) здоровых общественных сил, и – подчеркну особо – всей системы средств массовой информации. В первую очередь телевидения. Как это может быть организовано – отдельная непростая тема, которой я здесь касаться не буду. Подчеркну лишь, что такого рода *нравственное воспитание невозможно без провозглашения и последовательного отстаи-*

⁴² Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 16.

⁴³ Красс В.И. Конституционализация права: основы теории. М., 2016. С. 17.

⁴⁴ Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 90.

⁴⁵ Там же. С. 92.

вания системы духовно-моральных идеалов (выделено нами. — Н.Д.)”⁴⁶. Всё перечисленное “требует от государства продуманной и плановой, рассчитанной на длительную перспективу работы по правовому просвещению общества, направленной на формирование правосознания и мировоззрения. Конституция — это генеральное соглашение между всеми социальными группами, включая власть, бизнес, общество в целом, о фундаментальных правилах, по которым живет страна (ведь в буквальном переводе конституция означает устройство). Поэтому *конституционное мировоззрение, ориентированное на социальное согласие*, — это еще один важный компонент идеологии..., способной объединить наше уже и так расколотое общество... Формирование конституционно-правового мировоззрения необходимо всем слоям и группам российского общества. Однако следует особо отметить роль совершенствования юридического образования для повышения профессионального сознания юристов (и прежде всего представителей судейского корпуса). При этом речь должна идти не только об овладении будущими юристами необходимыми знаниями, но и об освоении ими *человекоцентричного пра-*

вопонимания, положенного в основу российской Конституции (выделено нами. — Н.Д.)”⁴⁷.

Думается, что приведенные выше суждения В.Д. Зорькина, воззрения Н.И. Матузова и других известных ученых, собственные аргументы и авторские доводы в совокупности как нельзя лучше демонстрируют насущность и всю неисчерпаемость проблематики определения, наполнения смыслами, формализации и реализации конституционных обязанностей человека и гражданина в современной России.

Убеждены, что без адекватного теоретического переосмысления, а также, что очень важно, практического решения указанных вопросов и проблем, лежащих на поверхности, в нашей стране ни правовая, ни социально-нормативная модернизации (посредством конституционализации российской правовой системы), увы, окажутся невозможными.

Уверены, что данное обстоятельство и служит важнейшим побудительным мотивом к продолжению дискуссии о юридических обязанностях личности, открытой уважаемым проф. Н.И. Матузовым, к поиску оптимальных форм применения в праве и практической реализации различных мер и модусов юридического обязывания.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 93.